

ЧЕРНУХИНО. ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ-23

Повесть

После второго залпа «градов» по колонии начали работать минометы. От близких разрывов вылетали стекла, осколки летели на койки, втыкались в подушки, рвали одеяла. Заключенные сидели на корточках, прячась за импровизированной баррикадой из тумбочек. Отряды перемешались. Рексы, опера и прочие сотрудники ИК-23 разбежались, оставив подопечных на произвол судьбы. Толпы эков метались из секции в секцию, стараясь укрыться от прилетающей смерти.

Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и смотрящие, и опущенные. И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни.

Осужденный Сидельников с погонялом Боцман после очередного близкого разрыва выполз из спальни в коридор. Там хотя бы окон не было.

— Подвинься, — пихнул острым локтем какого-то эка. Тот сидел подтянув колени и уткнувшись лицом в них.

Зэк не ответил. Осужденный Боцман ткнул его еще сильнее, тот медленно завалился, сполз по стене и глухо ударился головой о бетонный пол, накрытый желтым линолеумом. Лицо его было перепачкано запекшейся кровью.

Боцман огляделся. Кругом стонали, матерились, харкали кровью. Шныри рвали полосами простыни и кальсоны, неумело заматывали раны, бегали с кружками воды. Откуда-то доносились глухие удары, словно кто-то бил топором по двери.

Мелькнуло знакомое лицо.

— Хохол! — крикнул Боцман. — Хохол!

Невысокого роста зэк оглянулся. Измятое лицо, серые глаза, бесстрастный взгляд. Да, это Хохол.

— Боцман? Живой? Мне сказали, тебя завалило вчера..

— Хрен им по всему рылу, — сплюнул Боцман и встал, придерживаясь за стену казенно-голубого цвета. Боцман сам ее красил в прошлом году. — Хохол, нам пиздец.

— Будто я не знаю, — ухмыльнулся Хохол.

Если бы Боцман увидел эту ухмылку пару месяцев назад, он бы, наверное, обделался. Если Боцман сидел за чистые кражи и на зоне сторонился воровской кодлы, стараясь быть ближе к мужикам, чем к ворам, то Хохол... Про Хохла ходили легенды.

Говорили, что первый раз тот сел за то, что менту заточку в печень всадил. Мент тот был его одноклассником. И женился на подруге Хохла, не до-

ждавшейся того из армии. Говорили, что прямо на свадьбе и зарезал бывшего друга. И сдался сам мусорам. А по зонам пошел по отрицалову. Слов лишних не говорил, движений резких не делал. Был вежлив и чистоплотен. Но если узнавал, что в отряде сука или крыса, мог зарезать так же спокойно, как играл в шахматы. Срок ему добавляли и добавляли, приближался четвертьвековой юбилей.

Познакомился Боцман с Хохлом, как ни странно, в библиотеке. Тогда Боцмана только перевели в ИК-23, попал он на карантин, потом в третий отряд, где и жил Хохол, потом уже во второй перевели. В библиотеке были отрядные дни. То есть раз в неделю ээки одного отряда могли туда приходить, если хотели. Телевизор Боцман презирал, предпочитая читать. Вот тогда они с Хохлом и разговорились. На неделю можно было взять пять книг. Читать, конечно, из новинок было нечего. Зато было много классики. От Жюль Верна до Мельникова-Печерского. Вот четыре книги «На горах» и «В лесах» Боцман уже взял и думал, что бы еще подобрать. Как-то глаз не цеплялся ни за что.

— Вот эту возьми, — Хохол неожиданно вынырнул из-за стеллажа и протянул Боцману книгу.

«Белые и черные». Александр Котов.

— Это шо? — не понял Боцман.

— Книга. В шахматы можешь?

— Да я больше в буру там...

— Бура для малолеток. Шахматы для королей.

И ушел.

Мельникова-Печерского пришлось продлить еще на пару недель, впрочем, библиотекарь по этому поводу не переживал. Гораздо большей популярностью у контингента пользовались женские романы, а не русская и мировая классика.

Боцман зачитался книгой про русского чемпиона по шахматам. Странные, какие-то магические, волшебные слова — эндшпиль, испанская партия, сицилианская защита, ферзевый гамбит — завораживали, манили, колдовали. За ними скрывалась невиданная для Боцмана свобода: тихий закат над штилевым морем, пальмы, ром, влажные глаза мулаток, треск падающего сейшельского ореха...

Через несколько дней Боцман пришел к Хохлу и попросил его научить играть в шахматы. Хохол согласился, но не успел. Сначала его перевели в другой отряд, а потом началась война.

— Хохол, нам пиздец, — повторил Боцман. — Тикать надо.

Что-то очень большое разорвалось на плацу колонии.

— Надо, — согласился Хохол. — Но куда? И как?

— Да похер как, главное — выбраться, я уже третьи сутки, кроме воды, ничего не жрал!

— Слушай, Боцман, по нам лупят со всех сторон. Украинцы, сепары, какая разница? Наверняка зона окружена, на рывок пойдем, нас сразу пехота положит в лоб, и мама не горюй. Сечешь?

- Секу... И шо робыть?
- Рокировку.
- Не понял. Это как в шахматах?
- Типа того. Ты трупы рексов видел здесь?
- Не...
- Жаль. Я тоже. Можно было бы переодеться.
- Так они съебались же все.
- Ну мало ли... Курить есть?

Боцман полез в карман, достал мятую пачку «Беломора», в ней оставалось пять папирос.

Закурили прямо в коридоре. Неделю назад за такое их бы отправили в ШИЗО.

Пробежавший мимо молодой совсем зэк резко остановился, учуяв табачный дым:

— Пацаны, дайте тягу.

— Пацаны сиську на параше сосут у дядек со стажем. На хуй пошел.

Страшный, холодный, льдистый взгляд Хохла ударил по лицу пацаненка, и того просто сдуло из коридора.

— Шо вот ты так? — сказал Боцман, но его слова заглушил очередной разрыв.

— Га?

— Шо вот ты так, — стряхнул с головы пыль штукатурки Боцман. — Шо беспределить? Дали бы по тяге пацану...

— Мне эта тяга нужнее, — коротко бросил Хохол. Приподнялся, встал, отряхнул колени, подошел к лежащему осужденному. Ноги того были

сплющены и перемотаны красной тряпкой, когда-то бывшей белой простыней с фиолетовой печатью на углу.

— Держи, браток, — раненый, не открывая глаз, зачмокал губами, втянул мокрый мундштук в рот. Затянулся, задержал дыхание. Закашлялся. Попытался повернуться, не смог, затих, тяжело дыша.

В этот момент началась тишина. Впрочем, это все, даже Хохол, сразу и не поняли. Еще один промежуток между разрывами — подумаешь, стоит ли обращать внимание? Но еще минута за секундой, и ватная тишина глухо наваливалась на оглохшие уши. Пахло гарью и кровью.

— Говоришь, был пиздец? — медленно сказал Хохол.

— Ну...

— Вот сейчас пиздец начнется. Настоящий.

— Да ладно тебе, Хохол, шо вот ты все время...

— Боцман, ты откуда?

— Я? С Енакиево, а шо?

— А я с Лутугино. Меня там все... Будешь жив, доберешься, найдешь пацанов, они меня грели, я им помогал словом, расскажешь, что тут было. Буду я жив, наведаюсь к тебе. Есть кому рассказать?

— Да ты шо, Хохол, да меня там кажна собака знает, шо це Боцман, да я...

Распахнулась входная дверь. В косых лучах света, падавших сквозь пыль и дым, появились

фигуры. Как в голливудском кино. Каски, автоматы, бронежилеты. Они светили фонариками по лицам и телам заключенных. Не орали, не били, просто шли, аккуратно перешагивая через тела раненых, живых и умерших. Они заглядывали в комнаты, резко водя стволами. А когда дошли до конца коридора, наверное, старший из них крикнул:

— Чисто!

Боцман и Хохол рефлекторно повернули головы на крик. Увидели каким-то странным, обострившимся зрением черные отверстия в дулах автоматов. Или в штурмовых винтовках? Или... Да какая разница, если из этих дыр на тебя смотрит смерть разнообразного калибра.

— Граждане заключенные!

Хохол и Боцман повернули головы обратно, ко входу. Там стоял, широко расставив ноги, какой-то военный с мегафоном возле лица.

— Граждане заключенные! Путинские наемники, российские войска и донбасские террористы двое суток обстреливали вашу колонию с целью уничтожения отбросов общества, как они заявляли.

— Трое... — чей-то слабый голос перебил говорящего.

— Что?

Ему не ответили.

— С вами говорит полковник Пилипчук. Сейчас начнется эвакуация осужденных из колонии. Нуждающимся будет оказана необходимая помощь.

Просьба здоровым выйти из здания и построиться по отрядам. Раненые остаются пока здесь. Миссия Красного Креста займется ранеными в течение нескольких минут. Раненых вывезут в госпитали.

Слова разносились по коридору и отражались от обшарпанных стен.

Привыкшие к порядку ээки начали подниматься с пола. Все, кроме раненых. И тех, кто притворялся ранеными.

— Пойдем? — спросил Боцман.

— Есть другие варианты? — огрызнулся Хохол и встал.

В черных робах, испачканных кровью и штукатуркой, они медленно вставали, держась за стены, и брели к выходу, поправляя мятые кепи.

Говорящий в мегафон тоже вышел, одним из первых он встречал ээков на плацу. На плечах его горели три большие звезды, руки он заложил за спину, широко расставив ноги.

Они выходили цепочкой, один за другим, становились в строй. Отряды поредели на треть. Остальные лежали в душевой или стонали в коридорах.

Когда вышли все, человек с большими звездами снова взял матюгальник из рук младшего офицера.

— Граждане ээки!

Строй стоял молча.

— По вам трое суток молотили российские войска из всех видов оружия. Ваши товарищи

лежат сейчас, истекая кровью. Помощь идет. Кто-то этой помощи не дождался. Это не наша вина, что мы не успели. Но Украина о вас помнит и не забывает, поэтому мы здесь. И вам предлагаем несколько вариантов. Желающие могут вступить в Национальную гвардию Украины. Добровольцам предлагается полный социальный пакет, амнистия и денежное довольствие от тысячи долларов США в месяц.

Одобрительный гул поднялся над строем эков.

— А как амнистия? — раздался чей-то голос.

— Амнистия — это само собой, это даже не обсуждается. Это по умолчанию, как говорится, — хохотнул полковник.

— Пиздеж, — прошептал Хохол.

— Шо так? — тоже шепотом спросил Боцман.

— Потом...

— Второе! Прописанные на территории Донецкой и Луганской областей могут вернуться домой. По своему желанию, — продолжил полкан.

И вот тут возмутились западенцы. Их держали отдельно, в первом отряде. Вот весь выживший первый отряд и заорал от возмущения. Мол, мы воевать тоже не хотим, чего это луганским и донецким привилегия такая?

— Третье! Жителям других областей тоже выходит амнистия, но чуть позже. Нам нужно провести сортировку, чтобы каждый из вас уехал домой без всяких там разных беспорядков.

Западенцы одобрительно загомонили между собой.

— А кормить будут?

— Будем, — улыбнулся полковник. — Добровольцы в АТО, три шага вперед!

Где-то треть от числа всех осужденных вышла из строя. Их очень быстро — словно овчарки стадо овец — бойцы согнали в кучу и погнали в пролом стены.

Только сейчас Боцман увидел, что стены колонии разбиты снарядами. Самые большие дыры в заборах достигали метров пятнадцати, а то и двадцати. Все вышки были разрушены. Здания разбиты. Окна вылетели. Асфальт стоял горками. Война, блядь.

— Донецкие, луганские — три шага вперед!

Хохол неожиданно сделал шаг, одновременно схватив Боцмана за рукав. Он потащил его с собой. От неожиданности Боцман споткнулся, полетел вперед, перед глазами мелькнул воткнувшийся в асфальт снаряд «града». Хохол удержал его, затрещала черная ткань.

А потом их повели через другой разлом в стене.

Ни Хохол, ни Боцман так и не увидели, как западенцам раздали автоматы. Старые, древние АК-47, чищенные в последний раз в годах шестидесятых. Когда их раздавали, они были похожи на заливную рыбу. Кусок солидола, в котором угадывался смутный силуэт автомата. Сначала желе счищали

ножами, потом протирали носками. Их заклинивало после второй-третьей очереди. Поэтому галицаи добивали своих раненых кто прикладом, а кто плоским штыком.

Главное же выжить, правда же?

Донецко-луганских выстроили за стенами колонии.

Украинские военные что-то ходили кругами, переговаривались друг с другом, время от времени орали в рации.

— Тройка, я Юпитер, я готов, где транспорт?

В ответ рация что-то нечленораздельно бубнила, похоже, что матом.

Боцман посмотрел на небо. Небо было близко и серо. Из небесного брюха валил снежок. Маленький такой, легкий. Он вертелся, кружился, и от него слегка кружилась голова Боцмана. Если бы Боцман родился и жил в Мурманске, Салехарде или Вятке, то он бы знал, что такое снежанка — странная болезнь. Когда человек теряет ориентацию в пурге, он не понимает: где верх, а где низ, куда вправо, а куда не надо. А потом этот человек бесконечно падает, падает, падает в мельтешение снежинок, замороженно умирая от переохлаждения...

Но Боцман родился в Лутугино.

— Граждане осужденные! — хрипло прокричал лейтенант в ментовской форме. Он держал перед собой несколько листков бумаги. Закашлялся в серую перчатку на левом кулаке и продолжил:

— Граждане осужденные! Указом президента Украины Петра Порошенко вы амнистированы...

Боцман радостно обернулся и посмотрел на Хохла:

— А ты говорил!

— Ша, молекула, — буркнул Хохол, глядя на ботинки. — Ща начнется...

— Отправить сейчас вас по домам мы не можем. «Начинается... Чуешь, Боцман?» — «Не...»

— Дороги перекрыты российскими оккупантами. Однако есть договоренность с террористами. Вы сейчас колонной будете выходить от наших позиций к позициям сепаратистов. Вам необходимо намотать на головы белые повязки. Раздайте.

Рядовые побежали вдоль строя, раздавая простыни каждому пятому зэку.

— Разрезать, раздать каждому. Надеть повязки на голову, повторяю!

Зэки начали рвать руками белые полотнища и раздавать по строю.

— Напоминаю, что там, — лейтенант ткнул куда-то в сторону Луганска, — террористы, чеченские и осетинские наемники, им ваша жизнь — заработанный доллар. Вас там будут расстреливать. Желающие остаться — шаг вперед.

Из строя вышло еще десять человек. Одного Боцман знал, молодой парень, сел за аварию. Набухался, поехал кутить дальше. Въехал в остановку. Убил всего одного человека, пятерых просто

инвалидами сделал. Все бы и ничего, да погибшая мало была беременна, так еще и невестка харьковского депутата. Вот и дали трешечку. Легко отделался.

— Сто двадцать три осталось, — спокойно резюмировал лейтенант. — Налево!

— Отставить! — из-за спины лейтенанта появился майор. — Что, сынки, неохота Родине послужить? Понимаю, страшно. А грабить не страшно было? Убивать не страшно было? Вы же твари, поганые твари. Отбросы.

Майор шагнул к строю, медленно пошел вдоль стоящих по стойке «смирно» зэков. От него пахло застарелым перегаром.

— Шо, бляди, по домам захотелось? А когда божьи заповеди нарушали, не боялись? Не убий там, не укради, а? Вас, сук, расстреливать надо. На площадях. Как при Сталине! Чтобы не мера наказания была, а мера социальной защиты!

Последние слова он выкрикнул на фальцете.

— Блядь, Родина в опасности, а вы тут... — майор заорал на Хохла.

— Ты меня на понт не бери, гражданин начальник, — ухмыльнулся зэк и длинно сплюнул на ботинок майора. — Я и не такое слышал от гражданина воспитателя.

— Ты сейчас у меня услышишь, ты сейчас услышишь... — майор побледнел, резко развер-

нулся и рывкнул на лейтенанта: — Бегом выполнять приказ!

— Налево!

Тюрьма хоть и похожа на армию, но это не армия. Поэтому и повернулись все налево, но не щелкая каблуками. Так, с ленца.

Грязь февраля пятнадцатого...

Вроде бы и зима, даже снег местами лежит. И пар изо рта есть. И небо низкое. И солнце сквозь рваные раны облаков не греет.

Но вот шагаешь, ступаешь на обмерзшую землю, глина хрустит, ты проваливаешься в жуткую жижу по щиколотку, она заливается в низкие бутсы, холодом тянет до пяток, потом до пальцев, они немеют. Ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей. Но идти надо. Потому что вот тот пацан, который решил сесть, снять ботинки и выжать коричневым свои носки, получил пинок по спине и прикладом по затылку. От удара прикладом по затылку потерял сознание, потекла кровь из носа.

Когда зэки остановились — молча, не понимая, что происходит, — над головами раздалось несколько очередей. Они сначала присели, прикрыв затылки руками, потом пошли снова, куда-то на восток.

Хрипящего парня оттащили в сторону. Чтобы не мешал. Хохол и Боцман не оглянулись, когда хрип закончился треском.